— Прошу прощения, задержался в пути, не обессудьте.

Ся Ин на словах просил не обессудьте и извинялся, но на его лице и в глазах не было ни капли раскаяния или стыда. Напротив, он держался так, словно его опоздание — дело само собой разумеющееся.

— Внимание, на сцене появился вредоносный второстепенный персонаж, — подал голос 1107, предупреждая Чи Хуайпаня.

Услышав слова 1107, Чи Хуайпань приподнял бровь. Взглянув на Цзян Цзинсина, чье лицо выражало полное бессилие, он сразу понял, что этого человека навязали сверху.

— Ты еще имеешь наглость заявляться, Ся Ин? Впрочем, зря пришел, мы свою работу уже закончили, — с саркастической усмешкой бросил Цзян Цзинсин.

Улыбка на лице Ся Ина померкла:

— Режиссер Цзян, что это значит? Я ведь играю третью мужскую роль.

— Значит то, что сказано. Время вышло, снимать больше нечего, — нахмурившись, отрезал Чи Хуайпань.

Ся Ин, рассвирепев, начал угрожать Цзян Цзинсину:

— Кто он такой? С какой стати он вообще открывает рот? Режиссер Цзян, только не говори мне, что ты нашел его на замену мне. Ты хоть помнишь, что обещал господину Чжану?

— Замолчи. Ты что, вывеску на двери не видел? — Су Хэнфан прервал поток брани Ся Ина.

Все обернулись и посмотрели на табличку, висевшую на двери. На ней было выведено: Злая собака, не входить. Просьба не лаять, здесь требуется тишина.

Прочитав это, присутствующие не сдержали смешков. Ся Ин, стиснув зубы, уставился на Су Хэнфана так, словно тот был злейшим преступником.

Чи Хуайпань не мог не восхититься его умением подбирать слова. Впервые он по достоинству оценил красноречие таблички.

— Предупреждаю в последний раз, Ся Ин. Если это повторится, не обессудь, я буду беспощаден, — снова пригрозил Цзян Цзинсин.

Лицо Ся Ина побагровело от ярости.

— И не надо втайне восхищаться моей внешностью, — вставил Чи Хуайпань. — А то я еще поверю в себя и сменю профессию писателя на актера. Конкурировать со мной будет себе дороже, а если проиграешь — выглядеть это будет весьма печально.

Слова Чи Хуайпаня довели Ся Ина до белого каления, и тот, напоследок бросив: — Еще встретимся! — в бессильной злобе удалился.

— Где ты вообще находишь таких людей? Уровень просто ниже плинтуса, — Су Хэнфан нахмурился, не стесняясь в критике вкуса Цзян Цзинсина.

— Не ко мне вопросы, это инвесторы навязали, — с невинным видом ответил режиссер.

— Вот оно что. А почему ты не отказался? — догадался Су Хэнфан.

Вокруг почти все разошлись, остались только они втроем. Цзян Цзинсин с недоумением переводил взгляд с Чи Хуайпаня на Су Хэнфана:

— Почему вы оба задаете один и тот же вопрос?

Су Хэнфан взглянул на Чи Хуайпаня, в глубине его глаз промелькнуло удивление:

— Забей, тебе наверняка просто нужны деньги.

Су Хэнфан проигнорировал вопрос Цзян Цзинсина и сам же на него ответил.

Цзян Цзинсин почувствовал, как его самолюбие получило сокрушительный удар.

— Ладно, хватит болтать, пошли уже, предки, — Цзян Цзинсин подтолкнул Су Хэнфана и посмотрел на Чи Хуайпаня. — И ты, Хуайпань, иди отдыхай. Вечером в восемь сделаете репост со страницы съемочной группы, и всё.

— Где же твое режиссерское достоинство? — Чи Хуайпань был поражен. Это был самый униженный режиссер, которого он когда-либо встречал.

— Твои слова ранят мне сердце.

Правда, «ранение» продлилось всего пару секунд. Как только боль отступила, он принялся выпроваживать их, бормоча себе под нос:

— И чего вы оба такие одинаковые?

Су Хэнфан и Чи Хуайпань вместе вышли из павильона.

— Подожди меня, я пойду грим смою, — окликнул Су Хэнфан уже собиравшегося уходить Чи Хуайпаня.

— Зачем? — озадаченно спросил тот.

— Скоро узнаешь, — ответил Су Хэнфан, не вдаваясь в подробности.

Он зашагал длинными ногами в сторону гримерной, и Чи Хуайпаню ничего не оставалось, как поспешить следом.

Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в багровые тона. Лучи освещали двоих идущих, отбрасывая на землю длинные тени. Пока Су Хэнфан приводил себя в порядок, наступил вечер, и небо окончательно потемнело.

Су Хэнфан привел Чи Хуайпаня в небольшой ресторанчик на отшибе. Обстановка была изысканной и уютной, внутри было чисто, а посетителей — совсем немного. Лишь за парой столиков сидели пожилые люди, но атмосфера не казалась холодной, в ней чувствовалась жизнь.

— Всё совсем не так, как я себе представлял, — неожиданно выпалил Чи Хуайпань.

— Что именно? — Су Хэнфан налил чаю и пододвинул чашку гостю.

— Да ничего. Ты хотел поблагодарить меня, пригласив на ужин? — Чи Хуайпань сделал глоток, ощутив на кончике языка свежую терпкость.

— Разве я не должен тебя отблагодарить? — парировал Су Хэнфан.

Чи Хуайпань промолчал.

«Я-то думал, кинозвезды ходят только в пафосные рестораны, где еда не лезет в горло. Оказывается, среди них есть и адекватный человек», — подумал он, оглядываясь по сторонам и мысленно делясь впечатлениями с 1107.

1107 на мгновение лишилось дара речи.

«Твои мысли всегда должны быть такими странными? Кто вообще нормальный будет об этом думать?» — 1107 чувствовало необъяснимую усталость. Может ли его подопечный хоть раз сосредоточиться на задании?!

«Почему странными? По-моему, всё очень даже нормально», — Чи Хуайпань был вполне

доволен собой.

1107 окончательно впало в ступор.

В восемь вечера, точно по расписанию, вышел анонс Улуна.

Улун — это детективная история о загадочном убийстве в женском общежитии университета Z. В одной комнате были найдены мертвыми все четыре студентки. Сцена преступления выглядела ужасающе: на месте обнаружили кинжал и бутылку чая улун.

Цзян Чжицзинь взялся за это дело и в ходе расследования быстро вычислил двух подозреваемых из соседней комнаты: Сюй Ин и Яо Цзя. Сюй Ин была бедной студенткой, которую в общежитии недолюбливали и всячески притесняли. Яо Цзя же была серой мышкой, на которую никто не обращал внимания.

Поначалу главной подозреваемой была Сюй Ин, но доказательств не хватало. Однако по мере развития дела подозрения всё больше падали на Яо Цзя. Выяснилось, что она была очень близка с Юй Инь, часто совершала с ней покупки, причем платила почти всегда Юй Инь. У Яо Цзя были серьезные психические расстройства, она была тщеславна и мастерски умела притворяться.

В конечном счете, из-за того, что Юй Инь сблизилась со своими соседками по комнате больше, чем с самой Яо Цзя, та затаила обиду. Она подстроила всё так, чтобы в отсутствие соседок пробраться в их комнату и совершить задуманное, рассчитывая, что подозрения падут на других.

Даже будучи арестованной, Яо Цзя продолжала считать, что не сделала ничего плохого — мол, всё так и должно было быть. В процессе расследования этого дела Цзян Чжицзинь также раскрыл истинного убийцу своей матери, погибшей много лет назад — ею оказалась мать Яо Цзя.

http://bllate.org/book/21535/2212708